

По пути к вилле У Ваньи, глядя на мягкую улыбку Ми Юньцзиня, почувствовал, как щемит в груди. Он не удержался и тихо заговорил:

— Завтра...

Странная резкая боль оборвала его на полуслове. Сжавшись, он схватился за живот и нахмурился.

Снова этот приступ.

Ваньи отчётливо чувствовал, как стремительно разрастается внутри семя, требуя всё больше соков. Этот невыносимый, лихорадочный зуд то и дело ворочался в глубине его живота.

Юньцзинь мягко приподнял его лицо за подбородок. Повернув голову, Ваньи встретился с ним взглядом и под ярким светом уличного фонаря потянулся к его губам.

Сладковатый цветочный нектар хлынул в рот. Ваньи жадно приоткрыл губы, повинувшись первобытному инстинкту.

Невиданная прежде жажда заставляла его судорожно, взахлёб сглатывать влагу.

Каждая капля с чужих губ казалась живительным дождём, от которого невозможно было оторваться.

На животе Ваньи проступило золотисто-багровое клеймо, а из пупка показался нежно-розовый бутон. Но жажда лишь разгоралась с новой силой — он исступленно, до боли сплетал их языки, желая выпить Юньцзиня без остатка.

Взгляд его затуманился. Он лихорадочно лхнул к Юньцзиню, терзаемый ощущением, что этой близости катастрофически мало.

Юньцзинь крепко обнял его за талию, бережно придерживая за затылок. Глянцевая бледность залила его лицо, но он и не думал отстраняться. Напротив, он терпеливо сдерживал неистовые порывы Ваньи, направляя его и отвечая на каждое движение, делясь сочащимся с языка приторным нектаром с привкусом железа.

Их губы слились в глубоком поцелуе. Они сплетались языками, задыхаясь от близости и влажного тепла.

Лицо Юньцзиня заметно побледнело, но он продолжал мягко успокаивать метания Ваньи, позволяя его языку исследовать свой рот.

Понемногу лихорадка утихла, и Ваньи замедлился. Разомкнув веки, он всмотрелся в лицо партнёра.

Для обычных людей глаза Ми Юньцзиня казались прозрачными, янтарного цвета, и лишь Ваньи видел их истинный — сияющий золотой — оттенок. Перед этим взглядом робели многие, но Ваньи заглядывал в омут золотых глаз слишком часто, чтобы испытывать страх.

Непостижимая безмолвная глубина, прежде таившаяся в них, сменилась живым, осязаемым теплом. Ваньи отчётливо различал в этих зрачках собственное отражение. То ли его восприятие переменилось, то ли сам Юньцзинь стал другим.

Дистанция длиною в сотню лет сжалась до этого мига — до соприкосновения взглядов и общего дыхания.

Под жёлтым кругом фонаря их прерывистый шёпот перерос в новое томление, полное лихорадочного жара. Глядя на мерцание этих золотых радужек, Ваньи рванулся вперёд и жадно впился в его губы.

Юньцзинь на мгновение замер. Не отводя взгляда, он послушно остался стоять на месте.

Ваньи прижался к нему вплотную, сминая чужие губы и увлекая за собой его язык. Это был настоящий поцелуй — не ради насыщения, а ради близости.

В тишине раздавался лишь влажный тихий шёпот их губ и горячее, частое дыхание. Кадык Юньцзиня судорожно дёрнулся. Его рука, лежавшая на талии Ваньи, приподнялась было, но вновь бессильно опустилась. Он так ничего и не предпринял.

Ваньи неотрывно всматривался в его лицо. Дыхание сделалось тяжёлым, к щекам прилил румянец. Теряя контроль над собой от переполнявших его чувств, он случайно задел пальцами тесьму на косе Юньцзиня.

Шелковистые пряди рассыпались, скользнув по пальцам прохладным потоком. Ваньи на мгновение заворожённо замер, но в следующую секунду его зрачки расширились от шока. Он резко вскинул голову.

Наваждение рассеялось в один миг, унесённое порывом ветра. Даже тёплый свет фонаря показался безжизненным и мертвенно-бледным.

Отрезвление ударило по нему, словно ушат ледяной воды. Ваньи затрясло от продирающего до костей холода. С трудом преодолевая оцепенение, он медленно протянул дрожащие пальцы к рассыпавшимся волосам, но так и не решился коснуться проступивших сквозь черноту серебряных нитей.

— Почему?.. — выдавил он пересохшим горлом.

Откуда взялась эта седина?

Повисла тяжёлая тишина.

— Пойдём домой, — тихо произнёс Юньцзинь.

Ваньи застыл, словно изваяние, с головой погружаясь во тьму собственных мыслей.

Раздался тихий, едва различимый вздох. Юньцзинь мягко сжал его ладонь.

— Пойдём.

В тёмной спальне царило давящее безмолвие.

Ваньи неподвижно сидел на краю постели, похожий на застывший во мраке силуэт. Юньцзинь скользнул по нему взглядом и, отведя глаза, тихо проговорил:

— Ложись спать. Тебе нужно отдохнуть.

Он уже повернулся, собираясь выйти, когда Ваньи глухо бросил ему в спину:

— Что с твоими волосами?

Юньцзинь замер у двери. Не оборачиваясь, он ответил:

— Всё именно так, как ты думаешь.

Ваньи медленно поднял голову, вперив тяжёлый, немигающий взгляд в его спину.

— Как именно?

Его голос звучал надтреснуто и неестественно низко, заполняя комнату удушливой тревогой.

Ми Юньцзинь мысленно вздохнул.

«Я живу слишком долго. Моё сердце давно должно было превратиться в камень, не способный на трепет, но этот человек... Почему именно он заставляет меня сомневаться в каждом шаге?»

Ваньи бесшумно поднялся и шагнул к нему, почти вплотную прижавшись к его спине.

— Почему ты молчишь?

Прикрыв веки, Юньцзинь повторил:

— Ты устал. Спи.

Он попытался сделать шаг, но Ваньи рванулся вперёд, стальной хваткой вцепился в его плечо и грубо прижал к дверце шкафа. Его дикий, безумный взгляд напоминал осыпающийся под ударами волн утёс.

— Не смей молчать!

Юньцзинь собирался промолчать, но, уловив плещущуюся в чужих глазах бездонную скорбь, сдался. Он ласково коснулся пальцами влажного уголка его глаза.

— О чём ты плачешь?

Никогда ещё эта вечная, безмятежная отрешённость Юньцзиня не злила Ваньи так сильно. Но даже сейчас у него не поднялась рука сбросить эту ладонь. Юньцзинь опустил ресницы, вглядываясь в его искажившееся лицо.

— Мой срок подходит к концу.

Всё живое рождается и умирает. Цветы распускаются лишь для того, чтобы увянуть. Этого закона не избежать никому.

— Какая к чёрту старость! — выплюнул Ваньи, и его глаза налились кровью. — Семя ещё не созрело! Ты не выполнил своё грёбаное предназначение!..

Он осёкся на полуслове, поражённый внезапной догадкой.

Действительно. Почему семя внутри него развивалось с такой пугающей скоростью?

Кроме редких вспышек ноющей боли, он не чувствовал никакого недомогания. Напротив, застарелые хвори в его теле угасали сами собой, омытые невидимой, исцеляющей силой.

Разве может сосуд принимать в себя столь грозную мощь безо всяких последствий? Бывают ли в мире бесплатные чудеса?

За свои двадцать с лишним лет Ваньи усвоил один жестокий урок: судьба никогда ничего не даёт даром. За всё приходится платить.

Если только... цену за его спасение не платит кто-то другой.

Он в ужасе уставился на Юньцзиня. Его заколотило в крупной дрожи.

Юньцзинь всё так же мягко поглаживал его покрасневшее веко. В золотых глазах по-прежнему читалось безграничное, всепрощающее терпение.

Но Ваньи ощутил, как к горлу подкатывает удушье. Тяжесть этого осознания раздавила его, лишая возможности сделать вдох.

Грудь судорожно вздымалась. От бешеного прилива эмоций онемели пальцы, колени подогнулись. Почувствовав смятение хозяина, семя в животе зашевелилось и упрямо потянулось наружу. Нежно-розовый бутон, подпитанный последней порцией нектара, заметно налился багрянцем.

Цветок рос слишком быстро. С каждой каплей Юньцзиня он становился всё более ненасытным.

Губы Ваньи посинели от нехватки воздуха, перед глазами поплыли тёмные круги.

Юньцзинь сориентировался мгновенно. Он перехватил его поперёк талии, приподнял за подбородок и жадно поцеловал, вливая спасительную влагу прямо в приоткрытый рот.

Ваньи судорожно хватал ртом воздух, глотая нескончаемый поток сладкого нектара. Он пил взахлёб, со слепой, почти животной жадностью паразита, требуя всё больше и больше.

Просунув ладонь под край его футболки, Юньцзинь опустил взгляд на багровеющий бутон. Кончики его пальцев бережно очертили пульсирующий на коже узор, пока сам он без остатка отдавал свои силы истощённому телу.

«Ещё немного. Уже скоро оно созреет»

В этой безмолвной нежности крылась едва уловимая, щемящая грусть.

Лишь когда бутон наконец насытился и унял свою дрожь, к Ваньи вернулось самообладание. И в тот же миг он осознал, что вкус нектара изменился. К привычному тонкому аромату теперь

примешивался явный, солоноватый привкус свежей крови.

Ваньши широко распахнул глаза и, вглядевшись в золотую бездну напротив, с силой потянул Юньцзиня на себя.

Он впился в его губы с отчаянной, почти злой яростью, кусая до крови. Металлический привкус мгновенно перекрыл остатки цветочной сладости. Судорожно цепляясь пальцами за чужую одежду, Ваньши целовал его взахлёб — грубо, исступлённо, вымещая в этом поцелуе весь свой страх, гнев и рвущуюся наружу любовь.

Юньцзинь не сопротивлялся. Он лишь смотрел на него — спокойно, глубоко и понимающе.

Когда безумие утихло, он ласково обнял Ваньши за плечи. Ваньши вмиг обмяк, словно из него разом выпустили весь воздух. Он бессильно уткнулся лбом в чужое плечо, не в силах вымолвить ни слова.

Юньцзинь молчал. Он лишь тихонько перебирал его волосы. Светлые пряди, укрывшие сединой уже половину его головы, переплелись с тёмной шевелюрой Ваньши, будто первый зимний снег лёг на осеннюю траву.

Тишина в комнате дышала невыносимой тоской.

Они прижимались друг к другу так близко, как только возможно, но Ваньши никогда ещё не чувствовал себя настолько одиноким и потерянным.

Юньцзинь молча смотрел куда-то в пустоту перед собой, лишь крепче сжимая объятия. В этой глухой ночной тьме они просто держали друг друга, не нарушая молчания.

Ночью Ваньши снова привиделся тот кошмар.

Кричащие, ядовитые краски плавилась, складываясь в жуткие сюрреалистические узоры. В груди нарастало удушье — его сердце одновременно разрывали два мощных импульса: зарождающаяся жизнь и подступающая смерть. Он хрипел, не в силах вздохнуть, чувствуя, что погибает.

Внезапно сквозь удушливую мглу пробился луч чистого золотого света, растворяя кошмарные видения. Это был взгляд золотых глаз.

Ваньши рывком сел на постели, тяжело дыша. Судорожно вцепившись пальцами в ткань пижамы на груди, он пытался унять бешено колотящееся сердце.

До рассвета было ещё далеко, вокруг стояла непроглядная, мёртвая тишина. Повернув голову, он посмотрел на спящего рядом Юньцзиня. Волна щемящего одиночества и безысходности накрыла его с головой.

Юньцзинь лежал неподвижно, бледный и пугающе тихий.

Ваньи долго всматривался в черты его лица, затем медленно протянул руку, желая коснуться щеки. Но пальцы замерли в паре миллиметров от кожи. Он резко отдернул руку и закрыл лицо ладонями.

Горло стиснуло глухим спазмом. Казалось, его заколотили в тесном, тёмном ящике, откуда не было спасения.

Ваньи не проронил ни слезинки, когда один за другим хоронил своих близких. Даже когда врачи вынесли ему собственный смертный приговор, он почувствовал лишь глухое, безразличное онемение.

Но сейчас, спрятав лицо в ладонях, он беззвучно, горько разрыдался.

Слёзы текли сквозь пальцы, а рвущиеся наружу рыдания застревали в горле горьким, невыносимым комом, который он пытался судорожно сглотнуть.

Рядом безмятежно спал Юньцзинь, не подозревая о его муках.

И посреди этой удушливой ночи лишь оставшийся наедине со своим горем Ваньи сидел на краю постели, один на один со своей невысказанной, разрывающей сердце болью.

<http://bllate.org/book/20309/2214213>